

С глазу на глаз

Арлетта Давенпорт

Когда Арлетта бралась изображать из себя самого активного в монастыре мастера, доставалось, как правило, в первую очередь лично ей порученным ученикам, как находящимся опасно близко в зоне поражения. Тем более что среди учеников были такие кадры, которые на занятиях не появлялись вот уже довольно продолжительное время и которых просто требовалось встряхнуть и привести в чувство. Первым Арлетта продернула белокурого Арно - там одновременно и не было проблем, и были проблемы. Арно слушал, мягко смотрел огромными темными глазами, кивал, соглашался и каялся. Но при всем при том - по нему не было особенно видно, что он принял это внушение близко к сердцу и проникся им. Здесь способов проверить не было, кроме как выждать пару дней и проверить на практике, проникся или нет. Следующим на очереди был Аурел - этого разговора Арлетта несколько побаивалась. С Аурелом у нее отношения были сложновыдуманные, запутанные, и оставаться рядом с ним исключительно в роли мастера у Арлетты получалось не всегда успешно, потому что сам юноша ролью ученика не ограничивался, захватывая еще и амплуа пылко влюбленного. Но дело не улучшилось бы от того, что Давенпорт стала бы его затягивать и затягивать. Поэтому разговаривать все равно надо было. Для этого разговора Арлетта вызвала Аурела к себе домой и заблаговременно разогнала детей, чтобы по углам не торчали ничьи любопытные уши, ловящие каждое неосторожно сказанное слово. Дарсия этим почти наверняка воспользовалась, чтобы удрать к своему кавалеру, но тут уж Арлетта ничего поделать не могла, убежала и убежала. Главное, чтобы глупостей не наделала. И сама Арлетта, кстати, тоже - главное, чтобы глупостей не наделала.

Аурел Виеру

Аурел создавал, что в последнее время он из жизни монастыря не просто выпадает, а выпадает катастрофически - создавал, и только, и никаких шагов в связи с этим не предпринимал, хотя и догадывался, что Арлетта будет им недовольна после такого тотального ничегонеделания. Наверное, если бы женщина выразила свое недовольство ему лично, вслух и громко, это могло бы помочь парню сойти с мертвой точки и двинуться хоть куда-нибудь - и, стоило ему всерьез об этом задуматься, как сперва Арно пожаловался, что ему устроили распекацию, а после Арлетта передала, что хотела бы и второго своего непутевого ученика увидеть.

В общем, примерно понятно, к чему дело катится.

Хотя отчасти Аурел был рад, что все так сложилось - легальных поводов увидеть наставницу, проводящую занятия нечасто, у парня в последнее время придумать не получалось. А тут такой повод. Железобетонный. Бронированный. Сама позвала, и неважно, что явно собирается ругать и отчитывать. Это можно перетерпеть, это будет совсем легко.

В назначенный час - пунктуальностью Аурел обычно не сказать чтобы отличался, но когда ему припекало, был способен запросто пунктуальность продемонстрировать - юноша уже стучался в дверь хорошо знакомого ему домика. Сколько времени здесь когда-то провел, все ступени изучил как родные. А потом постепенно стал приходить все реже и реже - с четким ощущением, что если ему здесь и рады, то вовсе не так,

как ему хотелось бы.

Арлетта Давенпорт

Когда Арлетта поняла, что в ожидании Аурела беспорядочно бродит по дому, хватается за все подряд и ни за что толком ухватиться не может, она осознала, что волнуется как школьница перед первым свиданием. И что это совершенно не устраивает ее - она молодого человека вызывала, чтобы сделать ему строгое внушение, а вместо этого теперь бегают и думают о том, как она хочет его увидеть. Увидеть молодого человека и вправду хотелось. Арлетта ещё прекрасно помнила то время, когда юноша почти каждый день находил повод оказаться рядом - только потом этих поводов начало становиться меньше, меньше с каждым днём, а потом они и вовсе закончились. И после этого Арлетта пересекалась с Аурелом, только мельком встречая его где-то в монастыре, ни о каком хоть сколько-нибудь долгом "быть рядом" там и речи не шло.

- Заходи-заходи! - поспешно крикнула Арлетта, услышав наконец стук в дверь, и уперла руки в бедра, стараясь принять грозную позу и подчеркнуть, что она молодого человека к себе вызвала, чтобы ругать и порицать, а не что-нибудь там. - Проходи, садись. Будем с тобой разбираться.

Проведя Аурела в гостиную и указав юноше на диван, Арлетта сама тоже села рядом. И, стараясь оставаться строгой, потребовала: - Ну, поведай мне - почему мастера мне жалуются, что тебя на занятиях совсем не видно?

Аурел Виеру

Нет, выглядеть грозной у неё никогда не получалось, если она не злилась на самом деле. Аурел невольно улыбнулся, глядя, как его наставница старательно хмурит брови и пытается добавить себе внушительности, принимая строгую позу. Этим она только заставила юношу лишний раз обратить внимание на её прекрасную стройную фигуру, на тонкую талию и красивые бедра, в которые сейчас упирались её ладони. Аурел заставил себя погасить эту невольную улыбку, наверняка неуместную сейчас, когда его собирались всячески ругать и отчитывать, и вежливо поздоровался: - Здравствуйте, сифу. Рад вас видеть.

Уж столько лет прошло, а она для него до сих пор "сифу" и на "вы".

Несмотря на то, что в последний раз ему приходилось бывать в доме Арлетты довольно давно, юноша по-прежнему помнил его изнутри не хуже, чем собственную комнату. В этом доме ничего не изменилось, всё так и стояло на тех же местах, на которых Аурел привык видеть знакомые ему вещи. Подумать только - привык к дому, в котором его никогда не приглашали остаться даже хотя бы в качестве гостя. Подчиняясь жесту изящной руки Арлетты, Аурел опустился на диван и честно ответил присевшей рядом с ним женщине: - Потому что я на них уже довольно давно не хожу. Сифу, вас это... задевает? - Подобрать нужное слово вышло не сразу, с языка едва не соскочило неуместное сейчас "огорчает". Слишком смелое и громкое слово - её могут огорчать неуспехи в учёбе её собственных детей, а ученики ей для этого не настолько родные люди. Да, пожалуй, сказать, что Арлетту это задевает - означает описать проблему наиболее точным из доступных Аурелу способов.

Арлетта Давенпорт

И не поспоришь. На занятиях его не видно, потому что он туда не ходит. Логика по-

своему железная, не подкопаешься. Вот только Арлетту этот ответ не устраивал совершенно, в первую очередь потому, что нисколько не объяснял ей, почему, зачем и как.

- Увы, понятнее мне не стало, - непреклонно сказала Арлетта. И с готовностью ухватила за предложенное ей Аурелом слово: - Да, меня это задевает. Ещё как задевает! Мне немедленно начинает казаться, что то, как мои ученики лоботрясничают - это сугубо моя вина. Что я лажаю как наставник и не умею объяснить, что на занятия ходить надо, потому что не имело смысла ехать на Тибет, чтобы потом лежать пузом вверх, - откровенно говоря, Арлетта и сейчас лажала как наставник, объясняясь со своим учеником совершенно не подходящими для строгого формального общения словами. И для менторской лекции - тоже. На занятиях Давенпорт еще как-то выходила на нужную волну и объясняла материал правильными, уместными словами. Но как только обстановка становилась менее формальной и переставала помогать - все, хоть плачь, дурацкий сленг упрямо лез из ниоткуда, как маргинальный хвощ из цветочной клумбы. И тем самым, конечно, все впечатление от попыток быть строгой наставницей сводил на нет.

- Не знаю, почему ты вдруг совершенно утратил интерес к занятиям - но надеюсь, что ты изменишь свое мнение. Я же помню, у тебя все отлично получалось, - неловко закончила Арлетта. И чуть не добавила, что она вообще-то планировала Аурелом гордиться, как своим учеником, который непременно достигнет успехов. Подобные надежды Давенпорт возлагала на Аурела и на Маргариту - Маргарита, ставшая мастером, оправдала более чем все надежды, а вот Аурел неожиданно споткнулся словно бы на ровном месте. И пытался вообще с радаров пропасть, что тревожило еще сильнее - поддавшись этой мысли, Арлетта честно ляпнула: - Возвращайся обратно в жизнь. Мне тебя не хватает.

Аурел Виеру

- Простите, но я боюсь, что если попытаюсь объяснить подробнее, станет только хуже. Но это определенно не ваша вина, а исключительно моя, - честно сказал Аурел. В этой ситуации лень напрашивалась первым и главным объяснением, и юноша понятия не имел, как объяснить, что вовсе не в лени дело, и при этом не выглядеть так, как будто он пытается по-дешевому прикрыть свое желание ни черта не делать, а только морально разлагаться. Арлетта, не факт что сама это заметила, но подобрала удивительно верные слова: утратил интерес, вот именно что. Аурел коротко кивнул, подтверждая, что наставница в своих догадках совершенно права, и тем самым невольно дал обещание исправиться: кивок пришелся как раз на другую часть фразы Арлетты, где женщина выражала надежду, что ее бестолковый ученик передумает и вернется в строй.

Ну и не отнекиваться же теперь, меняя свое мнение почти каждую минуту, после того, как только что обещал исправиться и вернуться в строй.

- Я постараюсь, - осторожно, обтекаемо сказал Аурел, избегая твердых формулировок. Интерес - не лампочка на сорок ватт, чтобы можно было в любой момент щелкнуть выключателем и зажечь его обратно, его теперь нужно как-то постепенно и любовно заново в себе вращивать, причем какими-то неясными пока способами. Все это юноша и попытался прикрыть обтекаемым обещанием "постараться" - но следующие слова Арлетты прозвучали как-то особенно нежно, почти зовуще, и отозвались в груди содрогающимся теплом, и Аурел немедленно выпалил: - Конечно, сифу! Конечно, я все сделаю, я обязательно вернусь. Я приложу все усилия, чтобы вам больше не приходилось из-за меня расстраиваться, -

пообещал юноша. Арлетта держала его сердце в своих руках и, как иголки в куклу вуду, вонзала в него свой печальный взгляд, и с легкостью сгибала юношу куда ей хотелось, Аурел это признавал и даже сопротивляться не пытался.

Арлетта Давенпорт

- Хорошо. Давай хотя бы поделим это одеяло пополам. Оно в любом случае порвется, если мы будем так тянуть его каждый на себя, - наполовину уступила Арлетта, под одеялом, естественно, имея в виду их с Аурелом попытки взвалить вину чуть ли не за весь мир к себе на плечи. Но Давенпорт, откровенно говоря, вовсе не собиралась так уж настойчиво за это одеяло цепляться и была готова уступить юноше половину, чтобы он тоже слегка почувствовал себя атлантом и с небом на плечах. Но только наполовину, не могла же американка, будучи мастером, вообще без всякой ответственности шататься.

Да и тем более, судя по тому, как Аурел до сих пор на неё смотрел - она одним только грамотным, как следует рассчитанным движением ресниц могла продвинуть юношу в лучшие ученики монастыря. Могла, но вот так и не сделала почему-то.

- Верю! Таким пламенным обещаниям - охотно верю, - с улыбкой кивнула Арлетта. Аурел обещал с таким пылом, словно речь шла не об учёбе, а о том, что нужно отправиться в крестовый поход, там долго и кровопролитно воевать Гроб Господень, а в финале ещё непременно вернуться живым и овеванным славой. За этот пыл молодого человека захотелось немедленно похвалить, потом тут же, почти без паузы - приласкать, и в итоге Арлетта, не успев как следует обдумать, насколько педагогично и вообще правильно то, что она делает, наклонилась к Аурелу и поцеловала его в губы.

И сама тоже влипла в этот поцелуй, как муха в вязкий мед, и выпутаться не могла.

Аурел Виеру

Одеяло?

Аурел моргнул, соображая, что именно Арлетта имеет в виду; почему-то ее несложная шутка дошла до него не с первого раза. Можно даже сказать - сильно не с первого, и лишь потом, догадавшись, к чему женщина ведет, послушно улыбнулся в ответ, показывая, что понял и оценил. Действительно, на двоих поделить было бы проще - и Аурел прекрасно понимал, почему он так старательно и подробно думает о не слишком важных вещах и позволяет мозгу спотыкаться и пробуксовывать там, где это было вовсе не обязательно. Чтобы и дальше оставаться на этой линии *не-слишком-важных* размышлений. Рядом с Арлеттой так и тянуло думать об опасных, даже в чем-то непозволительных вещах, но, уже зная, что любимая женщина вовсе не желает подпускать его ближе, юноша искренне старался эти мысли подавлять.

И это у него даже получалось - ровно до того момента, пока Арлетта его не поцеловала.

Боже

Боже

Аурел коснулся ее теплых-теплых плеч, чуть крепче сжал пальцы, растворяясь в каждом мгновении этого поцелуя, и одновременно верил и не верил, что Арлетта все же решила вернуться к нему; обнял смелее, крепче, её - настоящую, впервые такую близкую, вдруг переставшую быть недостижимой мечтой. Её губы на его губах были невероятно мягкими, и снова и снова размыкались для поцелуев. Аурел снова захлебывался горячим восхищением, словно в самый первый день их встречи,

только ещё горячее, как раскаленная лава, как жидкое пламя. И обнимал Арлетту все крепче, опасаясь, что она вот-вот выскользнет из рук и снова станет лишь несбыточной грезой.

Арлетта Давенпорт

Позволить себе забыть про границы, наплевать на них неожиданно оказалось очень приятным. И сразу же Арлетта вдобавок выяснила, что ей давно не хватало мужской ласки, что теперь каждое прикосновение Аурела, даже самое бесхитростное, действовало на неё со страшной силой, срывало крышу, так, что только ошметки черепицы отлетали в разные стороны. Боже, как же ей потом наверняка будет за это стыдно. Не умея себя сдерживать, Арлетта тесно прижималась к груди молодого мужчины, обнимала его, гладила по спине и плечам и с восторгом ощущала живое тепло его крепкого тела совсем близко. Ей, стремительно хмелеющей от ласки, казалось, она никогда таких горячих поцелуев не знала, как те, что Аурел сейчас дарил ей. И Арлетте пришлось с усилием разрывать ставшие вдруг такими непозволительно тесными объятия, чтобы не лишиться головы окончательно и не наброситься на молодого человека оголодавшей дикаркой.

- Довольно, - приказала Арлетта и отодвигаясь, делая попытку зацепиться за остатки своего авторитета - хотя какой в этот момент мог быть авторитет, он весь уже осколками осыпался к ногам юноши, наверное, даже слышно было, как он хрустит битым льдом. Катастрофу довершало то, что Давенпорт совершенно не представляла себе, как ей теперь продолжать беседу с юношей. Делать вид, что ничего не произошло - ложь, произошло же, и более того, Арлетта сама это начала. Переходить к нежному любовному чириканью тоже было как-то глупо, это могло прозвучать слащавой фальшью. Арлетта молчала, лихорадочно думая - и даже не сообразила подать юноше хоть какой-нибудь сигнал, что ему эти поцелуи только что не пригрезились

Аурел Виеру

Она все-таки выскользнула, вывернулась из бестолково обнимающих рук - но это, быть может, было и к лучшему. Потому что сам Аурел, лихорадочно целуя наконец ставшую такой близкой любимую женщину, совершенно утратил способность ощущать время; секунды скользили сквозь него, складываясь в минуты, а он и близко не понимал, сколько их уже прошло. Понимал только, что Арлетта его не отталкивает, а напротив, сама целует и ласкает в ответ, и, оглушенный этим пониманием, ничего кроме уже не замечал.

Хорошо хоть, мозгов и остатков выдержки хватило, чтобы не удерживать Арлетту, когда она отстранилась.

Её "довольно" показалось было Аурелу холодным и резким, и юноша покаянно склонил голову, готовясь услышать, что он позволил себе лишнее, много лишнего. Но секунды сменяли друг друга, а Арлетта все молчала, и по её позе, по чуть опустившимся плечам Аурел вдруг вспышкой понял: она сама запуталась. Запуталась и не знает теперь, на какую дорогу вступила и как по ней дальше идти.

Протянув руку, Аурел коснулся волос Арлетты, её роскошных мягких волос, русых с ослепительно золотыми прожилками, бережно провел по ним ладонью, от затылка вниз вдоль спины. И негромко сказал, задерживая ладонь на тёплых лопатках Арлетты: - Сифу, я пойму, если вы не захотите это продолжать. Если вы скажете, что этого не было - значит, этого не было, - забыть он, конечно, не смог бы. Образ Арлетты, бережно хранимый у юноши в сердце, только что стал стократ живее,

теплее, и ярче, и с этим уже ничего нельзя было поделаться, никак не заставить только что испытанное яркое и нежное тепло исчезнуть из памяти. Но Аурел самонадеянно полагал, что, если Арлетта попросит, он все же сумеет сделать вид, что ничего подобного не происходило и никогда любимая женщина ему взаимностью не отвечала, даже на краткий миг.

Арлетта Давенпорт

Как бы глупо получилось, если бы снова, в который уже раз ничего не сложилось, из-за того только, что Арлетта так не вовремя потерялась в словах и двух звуков осмысленно связать не могла. Господи, вот же было бы глупо.

Но, по счастью, Аурел не позволил горячему мгновению потеряться и погаснуть окончательно. Почувствовав на своей голове теплую ладонь, Арлетта встрепенулась: ох, конечно, есть же еще прикосновения, можно парня хоть за руку взять, чтобы он себя вышвырнутым не чувствовал. Ласковая ладонь двинулась вниз вдоль спины, теплом замерла над лопатками, и какие-то секунды Арлетта еще грелась в нежности этого прикосновения. А потом - потом ей срочно понадобилось ухватиться за колено молодого человека, вдруг потерявшей равновесие и судорожно ищущей опору.

Он что - только что предложил ей притвориться, что ничего не было?

- Нет, не скажу, - почти с яростью отрезала Арлетта. И винить-то некого было, кроме самой себя - она с таким упорством гоняла молодого человека от себя, что теперь он в ее искренние попытки потянуться к нему, кажется, почти не верил. Вот что за образ самой себя она год за годом прилежно лепила у него в голове, и вот что этот образ теперь натворил. Арлетта поднырнула под ласковую руку, придвинулась вплотную, обняла Аурела за шею и упрямо сказала: - Я хочу, чтобы это у меня было. Хочу, чтобы ты у меня был. Оставайся, - прямо попросила Арлетта. Холодно-вежливое "сифу" теперь неприятно резало ей слух, и Давенпорт потребовала: - Еще раз назовешь меня на "вы" - я тебя укушу. Никаких больше "сифу", когда мы вдвоем, слышать это не хочу. У меня имя есть. Назови меня по имени. Ну? Пожалуйста? - жадно попросила Арлетта, вцепляясь в Аурела крепче прежнего. Ей вдруг до одури захотелось услышать, как звучит ее имя на его губах - подумать только, не слышала ведь от него, никогда не слышала.

Аурел Виеру

Против прикосновений к её волосам Арлетта восхитительно не возражала, и Аурел с восторгом бережно гладил длинные мягкие пряди, водил ладонью по спине наставницы - и, в общем-то, с каждой секундой все слабее понимал, какой вообще смысл в звании наставницы заложен. Звания и иерархия для него в эти мгновения размывались, превращались и едва ли что-то значащую дымку. Важна была только любимая женщина, находящаяся теперь так близко, и её невозможные, невероятные, но такие желанные слова. Она снова оказалась совсем близко, гибкая и бесконечно красивая, снова обняла, и Аурел в ответ обвил руками её изящную талию. Своей близостью, уже сейчас дарящей так много и безмолвно обещающей ещё больше, Арлетта его ломала и плавila, и могла гнуть в своих ладонях легко, как кусок олова.

- Я буду только рад остаться, - искренне ответил Аурел. Боже, это же мечта его давняя, несбыточная, ну как от неё отказаться, когда она уже была прямо перед ним. Отказаться от прочно въевшегося в язык "вы", как того попросила любимая женщина, оказалось сложнее. Аурел немного помолчал, свыкаясь с тем, что теперь

они вдруг так близко и на "ты", чтобы после краткой паузы чётко прошептать, едва касаясь губами нежного ушка: - Арлетта. Драгоценная, любимая Арлетта. Как же долго я тебя ждал, - так долго, что давно уже вести счёт времени перестал. Пусть это банально, пусть избито, думал Аурел, пряча лицо в тёплой волне русых волос Арлетты, но каждая секунда ожидания стоила того.

Арлетта Давенпорт

- Я тоже буду рада, если ты останешься, - заверила Арлетта. Она, может быть, излишне спешила, но она чувствовала, что её жизнь словно снялась с давно привычного места и куда-то покатила. Неизвестно, далеко ли, надолго ли, на счастье ли, но этого свежего ветра перемен ей, пожалуй, не хватало, и хотелось, чтобы он был как можно сильнее. Жмурясь, как довольная кошка, Арлетта грелась в объятиях Аурела, и даже достаточно долгая пауза, которую сделал юноша перед тем, как все-таки назвать её по имени, её не напугала.

Если он ждал столько времени, чтобы наконец суметь её обнять - Арлетта пыталась вспомнить, сколько лет прошло с момента их знакомства, и тут же малодушно отбрасывала эту мысль, потому что число казалось ей каким-то астрономически огромным - то она уж точно сможет подождать несколько минут, пока юноша собирается с мыслями.

- Ух, как это было громко, - ошарашенно сказала Арлетта, свыкаясь с мыслью о том, что она, оказывается, драгоценная и любимая. И так догадывалась, конечно, но это не отменяло того, что, сказанные вслух, эти слова прозвучали очень сильно. Арлетта ласково погладила Аурела по тёплой шее, пропустила между пальцами тонкий хвостик сбегавшей вдоль позвоночника косички - что за дурацкая, нелепая, очаровательная прическа - и предложила: - Хочешь, я освобожу для тебя ящик? Я имею в виду, ящик в комод, для твоих вещей. Чтобы ты мог оставаться на ночь. С радостью это сделаю, - присутствие Аурела рядом все ещё казалось ей довольно зыбким. Арлетта хотела бы его закрепить, утвердить, и впустить юношу в свой дом на правах постоянного гостя, почти жильца, казалось ей довольно подходящим способом.

Аурел Виеру

Как бы ни была прекрасна их взаимная радость, их стремление друг к другу и сказочное почти пересечение желаний - предложение Арлетты вот так, с ходу, уже начинать съезжаться застало Аурела врасплох. Ему казалось, до подобного смелого сближения должен ещё не один месяц пройти. Арлетта же, здесь и сейчас, сбывалась с такой головокружительной скоростью, что едва-едва получалось верить в это шквальное чудо, и казалось, сердце сейчас на радостях захлебнется собственным торопливым пульсом.

- Ты уверена, что не спешишь? - мягко уточнил Аурел. Он, конечно же, ни в коем случае не имел ничего против того, чтобы Арлетта подпустила его к себе ещё ближе, напротив, эта мысль приятно грела, разливаясь в груди живым теплом. Но с другой стороны, юноше бы менее всего хотелось, чтобы Арлетта напринимала в спешке скоропалительных решений, о которых потом сама первая пожалеет и начнёт все переигрывать. - Ты же знаешь, я никуда не денусь, если ты не пропишешь меня в своём доме немедленно. Это... не так уж обязательно, - но предложение иметь в любой момент право остаться на ночь звучало соблазнительно, отрицать этот соблазн было глупым. Что Аурел немедленно и признал вслух, потому что пока его слова звучали так, словно он не знает, как бы

ему ловчее увернуться: - Это очень щедрое предложение. Я был бы счастлив его принять, принять и быть к тебе ближе, - не только сейчас, когда она вдруг бросилась в давно протянутые к ней руки, но получить право часто видеть её близкой и верить, что она больше не ускользнет. Это бы и сотни лет ожидания стоило, такое бесценное право.

Арлетта Давенпорт

Арлетте показалось, она своим предложением Аурела обрадовала и озадачила одновременно. И, судя по тому, как юноша замялся, путаясь в показаниях, оно всё именно так и вышло. Он будет счастлив, если Арлетта впустит его в свой дом, но при том делать его счастливым вовсе не обязательно, что за белиберда выходит.

- Уверена ли я в том, что тебе предлагаю? На все сто процентов, - твердо кивнула Арлетта. Ей хотелось немедленно, не откладывая и не оттягивая, завершить с любыми возможными неопределенностями. Чтобы молодой человек не чувствовал себя неуютно, будто она в любой момент может передумать и снова от него отказаться. Со всей честностью Арлетта призналась: - Мне кажется, что после того, как я несколько лет держала тебя за порогом - я просто обязана поторопиться. Чтобы хоть немного уравновесить то, как долго я думала и шла к положительному ответу. Не волнуйся, я не передумаю и выставлять тебя обратно за порог не буду. Обещаю и клянусь, - серьезно сказала Арлетта. И с легкой тревогой уточнила: - Это единственная причина, по которой ты пытаешься отказаться - или есть еще? Конечно, их запросто найдется, где набрать. Я понимаю, у меня в доме проживают три вполне уже взрослых башибузука, это едва ли располагает к романтической интимной обстановке, - виновато признала признала Давенпорт. И тут же напомнила: - Но я ведь этого никогда не скрывала, ты же знал, на что идешь, верно? - Как не скрывала и того, что она сильно, почти катастрофически старше. Впрочем, как раз это для юноши чем-то трагичным, судя по всему, не было, раз он все время продолжал настойчиво кружить рядом.

Аурел Виеру

Что Арлетта умела всегда и неизменно, так это излучать потрясающую, оглушающую уверенность. В себе ли, в окружающих ли, в чужих ли, в своих ли силах - умела в равной степени великолепно. Вот и сейчас она лучилась уверенностью в том, что приняла правильное решение, правильное и единственно верное, расточала так щедро, что и Аурел невольно эту уверенность подхватывал, и мало-помалу начинал ее разделять.

- Ты вовсе не обязана, - спешно возразил Аурел. Как раз это рассуждение Арлетты показалось ему странным - как раз-таки обязанностей у нее не было никаких, она могла еще сколько угодно настаивать на том, что им не следует торопиться сближаться сильнее необходимого. Самое главное "да" уже прозвучало, самое мучительное ожидание прекратило быть, и сию минуту Аурелу не казалось, что может быть что-то важнее.

- Справедливости ради: когда я тебя еще только встретил, по тебе никак нельзя было предположить, что у тебя трое детей. А потом было уже безнадежно поздно, потому что я успел по уши в тебя влюбиться, - заметил Аурел, продолжая бережно прижимать к себе Арлетту. Конечно, для него тогда такая новость стала шоком и откровением, но влюбленного пыла охладить не сумела. - Нет, любимая, других причин у меня нет. Если ты действительно уверена в том, что хочешь видеть меня в своем доме по ночам - тогда я готов хоть сейчас собирать вещи, только команду

дай, - пообещал Аурел. И считал возможным подкрепить это обещание теплым поцелуем, разрешая к себе привыкать к тому, что Арлетта теперь не против и больше это не нарушение когда-то установленных границ.

Арлетта Давенпорт

- Надеюсь, ты не будешь со мной спорить. Потому что у меня на этот счет совсем другое мнение, - уперлась Арлетта. Сама она считала, что ровно наоборот, очень даже обязана несколько поторопить события после того, как они по ее вине столько времени потеряли. Тем более что Арлетте и самой хотелось как-нибудь пропустить осторожный букетно-конфетный период и перейти к более серьезным отношениям. Молодой человек, считала она, уже вполне свою верность и преданность доказал тем, что долго и усердно смотрел влюбленными глазами, не изъявляя ни малейшего желания сдаться и отыскать себе девушку подступнее. И это, казалось ей, было вполне себе достаточным поводом довериться юноше и его рукам.

Поцелуй застал Арлетту врасплох, обжег и едва не заставил позабыть, о чем они с Аурелом только что говорили. И опять она жадно льнула к нему, не умея остановиться, не умея заставить себя отказаться от теплой ласки. Крепко обхватив Аурела за шею, Арлетта откинулась на спинку дивана, утягивая юношу за собой и продолжая горячо его целовать. Ей не сразу удалось справиться с собой настолько, чтобы наконец перестать срывать с губ юноши поцелуй за поцелуем и остановить себя.

- Если ты немедленно не уйдешь, я тебя изнасилую, - слабо пригрозила Арлетта, с ужасом чувствуя, что в этом своем заявлении она пугающе искренна. Что если Аурел продолжит оставаться так же близко, ласковый и близкий, то мирно они точно не разойдутся. Но ровно эти же соображения подтолкнули Арлетту к тому, чтобы погладить юношу по щеке и попросить: - Приходи вечером. Я ждать тебя буду. Пожалуйста, приходи.

Аурел Виеру

На поцелуй Арлетта ответила с таким пылом, что, казалось, несчастный диван должен был загореться - но каким-то чудом всё же спасся и уцелел. Склоняясь следом за потянувшей его к себе Арлеттой, продолжая снова и снова ловить губами её жаркие губы, Аурел чувствовал, что пропадает, пропадает и едва ли может что-то с этим поделать. Что его тянет к Арлетте с непреодолимой силой, тянет узнать её, гибкую и страстную, ещё ближе, ещё откровеннее. Но к тому моменту, как юноша уже был готов переступить границы дозволенного и окончательно дать волю рукам и губам, Арлетта как раз успела собраться с силами, чтобы оттолкнуть его.

И верно сделала. Только что ведь сам пытался уговорить её не спешить - и тут же, противореча самому себе, сам чуть не сорвался в лихорадочную спешку, рискуя в одну встречу за все возможные границы заступить.

- Если я не буду сопротивляться - а я точно не буду - то какое это уже выйдет не изнасилование, - машинально возразил Аурел. Однако в целом он был согласен с тем, что начавшую развиваться в несколько опасном ключе встречу было бы разумнее перенести на вечер. Чтобы уж как минимум под покровом вечерних сумерек, а то и ночной темноты можно было не краснеть за то, чем в итоге дело обернется. Аурел покладисто кивнул: - Я тебя понял. Хорошо, я ухожу. Сейчас - ухожу, - и все же поцеловал Арлетту ещё раз, с нежностью прикоснулся губами к щеке девушки перед тем, как пообещать: - Вечером ты обязательно найдёшь меня на своём крыльце. Буду с нетерпением этого ждать. - И, простившись с Арлеттой до

вечера, Аурел покинул её дом, все ещё продолжая удивляться тому, какой невероятный кульбит его жизнь только что сделала в этом доме всего за каких-то полчаса и опасаясь лишь того, чтобы вечером ему не пришлось увидеть обратное сальто.
